

К. Н. ДЕРЖАВИН

„НА ДНЕ“

Сценическая история „На дне“ начинается с 18 декабря 1902 года, когда эта горьковская пьеса впервые была показана на сцене Московского Художественного театра.

Спектакль „На дне“ стал одним из основных спектаклей МХТ'а, живет вплоть до наших дней и в своих очертаниях давно уже канонизирован в качестве образца для ряда иных русских и зарубежных сцен.

И, в сущности говоря, сценическая история „На дне“ есть история постановки пьесы в МХТ'е.

Ставя „На дне“, МХТ шел, в общем, натуралистическими путями, значительно уточняя и оттачивая их под влиянием тех художественно-стилистических задач, которые предлагал на разрешение режиссуры и актеров данный драматургический текст.

В стремлении как можно более точно и полно изобразить на сцене быт дна, театр организовал экскурсии в район Хитрова рынка — этой обетованной земли московского босячества и люмпенов. Был изучен знаменитый притон „Сухой овраг“, были приобретены там подлинные предметы ночлежного обихода, фигурировавшие на сцене в качестве бутафории и аксессуаров. Горький прислал из Нижнего Новгорода фотোগрафии местного „дна“ и его типов, вплоть до портретов тех лиц, которые послужили ему образцами для написания своих персонажей. В итоге спектакль поразил зрительный зал своим доведенным до пределов реализма, „правдой жизни“, отсутствием какой-бы то ни было заботы о специфической театральности. Корреспондент парижского журнала „Mercure de France“ следующим образом передавал впечатление от спектакля: „Случилось нечто, чему еще вчера никто не мог бы поверить: подлинная жизнь широким потоком вторглась на сцену, опрокидывая все условности, далеко отшвыривая все ее формы и покрывая все очищенное пространство жестокою художественною правдою. Казалось, что старый театр перестал существовать. Занавес раздвинулся — и явился новый театр. Революция была совершена во имя прав жизни и прав человека. Условности и барьеры театра были разрушены для того, чтобы свободная и не ведающая никаких условностей жизнь вошла верховным владыкою на сцену“.

Было бы ошибочно думать, однако, что театральный смысл спектакля исчерпывался только его натуралистически-постановочным содержанием. По книге К. С. Станиславского „Моя жизнь в искусстве“ легко проследить, как горьковский текст стимулировал поиски театром новых средств выразительности. Поиски натуралистических деталей в ночлежных домах и притонах Хитрова рынка становились лишь подсобным средством для более полного проникновения в существо драматургического организма пьесы. Поэтому, сказав после спектакля, что „это гораздо больше, чем я написал“, автор пьесы был в одно и то же время прав и не прав. Прав потому что МХТ, идя путем вскрытия внутренних конфликтов и внутреннего смысла пьесы, дал ей свое

индивидуальное толкование, внес в горьковское целое свои частности, которые увеличили, говоря языком логики, сумму признаков данного явления, не прав потому, что этот процесс работы над пьесой подсказывался самим ее текстом и тем „проектом спектакля“, который был в ней заложен.

Мощность реалистической изобразительности МХТ'а в данной постановке была такова, что, преодолевая пределы и границы субъективного толкования пьесы, превращала ее для зрителя в широчайшее подотно действительности, в жестокий обвинительный акт против устоев буржуазной общественности и капиталистического благополучия. Но с другой стороны, ограниченность буржуазно-интеллигентского сознания толкала интерпретацию идейного „зерна“ пьесы по линии морального филантропизма, по линии образа Луки, образа социального утешителя.

В своей недавней статье „О пьесах“ Горький обстоятельно разобрал такую интерпретацию образа Луки, приняв на себя, отчасти, вину в том, что в МХТ этот образ не был раскрыт в должном и неизбежно отрицательном направлении: „Есть весьма большое количество утешителей, которые утешают только для того, чтобы им не надоедали своими жалобами, не тревожили привычного покоя ко всему претерпевшей холодной души. Самое драгоценное для них именно этот покой, это устойчивое равновесие их чувствований и мыслей. Затем, для них очень дорога своя котомка, свой собственный чайник и котелок для варки пищи... Утешители этого ряда — самые умные, знающие и красноречивые. Они же, поэтому, и самые вредоносные. Именно таким утешителем должен был быть Лука в пьесе „На дне“, но я, видимо, не сумел сделать его таким“.

Однако, несмотря на подобный уклон в идейной трактовке произведения, который в значительной степени ограничивал его общественно-политическую устремленность, спектакль „На дне“ явился едва ли не самым крупным событием в театральной жизни последних десятилетий в силу заложенной в нем мощной, разоблачающей реалистичности, в силу заложенных в нем ярких образов, в силу заложенного в нем искания того, что выльется в конкретные картины жизни, картины социального пролетариата.

Ответств. редактор — Я. Б. ТЕАТРАЛОВ

Литредактор — Н. ЮРЬЕВ

Техредактор — И. И. ШОСТЕНКО